

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Е. Т. ГАЙДАРА

Владимир МАУ

доктор экономических наук, профессор,
ректор АНХ при Правительстве РФ

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Настоящая статья посвящена вопросу о долгосрочных вызовах в развитии России — с точки зрения того, как в дискуссиях со своими коллегами понимал их Егор Гайдар. В первой части даются оценка ситуации, методологический подход к анализу развития страны; во второй — рассмотрение собственно экономической политики и экономических реформ, происходивших в России с середины 1980-х годов, определение их значения для дальнейшего развития страны.

1. Методологические вопросы

Егор Гайдар видел своей главной целью превращение России в нормальную страну, в органичную часть западной цивилизации. То есть в основе его экономической методологии было вполне марксистское понимание развития, когда более развитые страны показывают менее развитым образ их далекого или не столь далекого будущего¹. Да, каждая страна «несчастлива по-своему», но все они имеют примерно одинаковый тренд развития по мере повышения их экономического уровня. Книга Гайдара «Долгое время» — именно об этом, и этим она интересна.

Методологические рамки анализа можно свести к нескольким пунктам:

- марксизм как теория экономической истории. В этом отношении Гайдар разделял позицию

¹ «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (*Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 9).*

Й. Шумпетера, видевшего важнейшее достижение К. Маркса в экономической интерпретации истории, в понимании «имманентной эволюции экономического процесса»². Не будем воспринимать этот тезис как неприличный для либерала — марксистская теория (и ее основоположник) не несет ответственности за деятельность своих официальных адептов³;

- современный экономический рост, предъявляющий специфические требования к развитию экономики;
- проблемы преимуществе отсталости (анализ, начатый в свое время А. Гершенкроном)⁴. Это тезис об ограниченности экономических знаний, о чем писал Ф. Хайек⁵, то есть предостережение об опасной самонадеянности экономиста, полагающего, что знает абсолютно все.

Марксизм. У нас с Гайдаром была большая статья на эту тему в журнале «Вопросы экономики»⁶. Марксистская микроэкономика (теория стоимости) устарела уже в момент публикации «Капитала», поскольку уже тогда существовали более развернутые и аргументированные подходы, например у австрийской школы. Однако в качестве теории экономической истории марксизм дает очень сильный инструмент анализа, обладающий серьезным прогностическим потенциалом и позволяющий понимать тенденции происходящего и вызовы будущего. Принципиальную роль играл экономический детерминизм, методологическое значение которого нельзя недооценивать. Особенно важен для нас тезис о том, что политическое устройство общества в значительной мере связано с уровнем экономического развития страны. Действительно, страны сопоставимого уровня среднедушевого ВВП имеют схожие политические проблемы и вызовы, и это подтверждается, например, тем фактом, что все великие революции нового времени происходили в странах сопоставимого уровня экономического развития. Егор Гайдар всегда обращал на это внимание при анализе как исторической динамики стран, так и различных политических событий. Вот почему разные страны целесообразно сравнивать не только в один и тот же исторический период, но и при наличии сопоставимых уровней экономического развития.

Из этого, к слову, следует вывод о роли либерального и дирижистского (этатистского) подходов в экономической политике. Когда дирижизм однозначно связывают с марксизмом, это, как минимум, неточно. Развитие событий в последней четверти XX века определенно продемонстрировало, что экономический либерал вполне может стоять на методологических позициях марксизма.

Связывая анализ общественных институтов с тенденциями технологического развития, Гайдар показывал, что современные производительные силы

² «Именно этот факт, и только он, дает Марксу право на величие как экономиста-аналитика» (*Шумпетер Й.А.* История экономического анализа. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 578—580).

³ Кстати, сам К. Маркс весьма критично относился к тому, что еще при его жизни называлось марксизмом. «В таком случае я знаю только, что сам я не марксист», — заметил Маркс в ответ на очередной изыск под флагом «марксизма» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 491, 642).

⁴ *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective // *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.

⁵ *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости; Catallaxy, 1992.

⁶ *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 5, 6.

требуют либерализма и демократии. Наиболее успешные примеры развития в последней трети XX века демонстрировали страны, которым удалось ограничить бремя государства в экономике⁷. То же самое можно сказать о странах, успешно решающих задачи догоняющего развития в постиндустриальном мире. Практические выводы из марксистской философии истории оказались далекими от прогноза неизбежной победы коммунизма.

В такой ситуации некоторые правые либералы рубежа XX—XXI веков склонны воспринимать марксистскую философию истории как один из центральных компонентов своей мировоззренческой и методологической базы. Речь идет о наличии тенденций развития общества, когда с переходом на новую ступень развития производительных сил происходят схожие изменения в системе общественных институтов разных стран. Эти тенденции могут приводить к конвергенции политических форм, причем подчас в самых неожиданных сферах, задолго до формального политического сближения стран и вопреки любым политическим декларациям.

Ренессанс либерализма и активное использование методологии К. Маркса правыми либералами может способствовать лучшему пониманию корней доминирования либеральных тенденций в экономике современных развитых стран, равно как и в посткоммунистической России. Эта методология позволяет проследить современные тенденции, в том числе объяснить торжество либерализма на рубеже XX—XXI веков. Это следует открыто признать — равно как и признать естественность и даже необходимость развития исследований в традиции, которая может быть охарактеризована как *либеральный марксизм*⁸.

Современный экономический рост. Этот феномен существует примерно последние триста лет и, как любил подчеркивать Гайдар, мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, почему он начался и будет ли продолжаться вечно. Является ли современный экономический рост, однажды возникший, феноменом неунничтожимым? Попытки положить ему конец были еще в 1970-е годы, когда ряд экономистов (прежде всего в рамках «Римского клуба») пытались обосновывать низкие или вообще нулевые темпы роста⁹.

Второй методологический вывод, связанный с современным экономическим ростом, предполагает необходимость сопоставления стран, схожих по уровню среднедушевого ВВП. И именно поэтому, скажем, рецепты современного Китая уместны для России 1920—1930-х годов, но никак не годятся для этапа посткоммунистической трансформации.

Еще один интересный вывод, связанный с современным экономическим ростом, касается положения России в гонке растущих стран мира. Как показывают историко-экономические исследования, Россия на протяжении последних примерно двухсот лет сохраняет стабильное отставание от таких более развитых в экономическом отношении стран, как Франция и Германия. Данный интервал составляет 40—60 лет, и хотя он то несколько

---

⁷ Barro R., Lee J.-W. Losers and Winners in Economic Growth // NBER Working Paper. 1993. No 4341; Alesina A. The Political Economy of High and Low Growth. Washington, DC: IBRD, 1997; Пути экономического роста. Международный опыт. М.: Деловой экспресс, 2001; Илларионов А., Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 1996. № 9.

⁸ Не стоит удивляться, что идеология современных левых партий, основанная на борьбе с глобализацией, является, по сути, антимарксистской.

⁹ Meadows D.H., Meadows D.I., Randers J., Behrens III W.W. The Limits of Growth. N.Y.: Universe Books, 1972.

увеличивался, то сокращался, но в целом величина отставания колеблется в указанных пределах¹⁰. Этот феномен был подробно, на основе статистических данных, проанализирован Е. Гайдаром¹¹.

Однако наличие этой модели не гарантирует ее длительного существования. Обильный поток незаработанных рентных ресурсов может привести к слову тенденции и к устойчивой институциональной деградации страны. В этом смысле важнейшим с середины 1970-х годов риском для России является повторение опыта Испании XVI века, когда самая сильная держава мира за пятьдесят лет пришла к полной институциональной деградации — под влиянием потока золота и серебра, приведшего к удорожанию производства в стране.

К сожалению, Россия находится сегодня в очень похожей ситуации. Вот уже почти полвека природная рента определяет социально-экономическое развитие страны. Наличие же дешевых денег снижает спрос на любые модернизационные продукты — купить оказывается дешевле, чем произвести. Подобный механизм крайне опасен: он ведет к деградации институтов, а институты после исчерпания доходов от дешевых ресурсов не восстанавливаются симметрично.

Преимущество отсталости. Работы А. Гершенкрона достаточно известны; единственное, что здесь очень важно увидеть, — это то, что, опять же в логике современного экономического роста, необходимо различать стадии индустриального и постиндустриального развития. Собственно, идея преимущества отсталости заключается в том, что отсталая страна имеет возможность при благоприятных условиях использовать развитые технологии, минуя промежуточные стадии, но опираясь на определенные институциональные решения. Скажем, государственные банки, как это было в Германии во второй половине XIX века, или государственный бюджет, как это было в Советском Союзе. Когда мы обсуждали эти вопросы применительно к догоняющему развитию современной России, Егор Гайдар обратил внимание на то, что ту роль, которую играли формы огосударствления в современном мире, может сыграть прежде всего заимствование институтов. Это может оказаться даже важнее заимствования технологий.

Так, в начале XX века, на индустриальной фазе, были понятны долгосрочные (охватывающие десятилетия) приоритеты развития техники. Для этого этапа характерно масштабное вмешательство государства в процесс аккумуляции и перераспределения капитала. Кстати, именно тогда были написаны и самые талантливые антиутопии, описывавшие жизнь в условиях полной и окончательной победы патернализма.

Напротив, экономический либерализм оказывается эффективным тогда, когда усиливается неопределенность путей дальнейшего развития, когда происходит резкое ускорение технологических изменений. Так было на рубеже XVIII—XIX веков. Аналогичная ситуация характерна и для нашего времени, когда ускорение технологического прогресса вновь делает развитие крайне неустойчивым и очень плохо прогнозируемым, а потому либеральные рецепты оказываются более адекватными.

¹⁰ На устойчивость пятидесятилетнего отставания России указывали самые разные авторы, писавшие на протяжении по крайней мере последних двухсот лет. «Русские сознательно копируют французские нравы, только с опозданием лет на пятьдесят», — заметил когда-то А. Стендаль (см.: *Травин Д., Марганя О.* Европейская модернизация. М.; СПб.: АСТ, 2004. Кн. 1. С. 18). «Россия отстала от всей Западной Европы... на столетия», — писал в 1880 году Н.Х. Бунге Александру II (см.: *Власть и реформы.* М.: Олма-Пресс; Экслибрис, 2006. С. 349).

¹¹ *Гайдар Е.* Долгое время. М.: Дело, 2005. С. 325.

И сегодня наше государство, конечно, может разработать и навязать стране программу того, как нам превзойти весь мир по производству компьютеров на душу населения, — и даже обеспечить реализацию этой программы. Но к моменту ее успешного осуществления выяснится, что мир технологически ушел далеко вперед — причем в направлении, о котором еще недавно никто и не догадывался.

Сегодня важнейшей функцией государства является не концентрация ресурсов, а обеспечение условий для того, чтобы экономические субъекты могли максимально точно улавливать тенденции технологического прогресса. *Адаптивность хозяйственной системы становится гораздо более важным условием успеха, чего патернализм как раз дать не может* (ему ближе мобилизация материальных и людских ресурсов). А приоритетами являются инвестиции в человеческий капитал.

И наконец, несколько слов об ограниченности экономических знаний, опасности самонадеянности. Я часто вспоминаю слова Егора Гайдара: «В экономике все, что правильно, то очевидно и просто, а все, что требует сложных доказательств, то интересно, но зачастую неправильно».

2. Экономика переходного периода

Вопросы посткоммунистической практики разделяются на проблемы стабилизационных реформ и выхода на траекторию посткризисного роста, а также на долгосрочные задачи развития.

Применительно к стабилизации Егор Гайдар говорил, что задача 1990-х годов, задача макроэкономической стабилизации, социально болезненна, но интеллектуально проста. Многие страны решали эти вопросы, и все примерно одинаково. Есть набор технических проблем (нужен номинальный якорь или нет, следует ли после либерализации фиксировать цены, зарплату или нет), но, в общем, для того, чтобы осуществить макроэкономическую стабилизацию, требуются политическая воля и четкое осознание правительством стоящих перед ним задач, а также харизма президента (которую в некоторых странах успешно заменяют полицейские дубинки).

Действительно, мы хорошо знаем опыт Латинской Америки, стран Центральной и Восточной Европы, и этот опыт является вполне очевидным. У России в 1990-е годы была некоторая особенность, связанная с разрывом денежной и бюджетной стабилизации: денежная стабилизация была реализована на несколько лет раньше бюджетной. Примерно то же самое имело место в Аргентине. И другой момент — совершенно уникальная вещь — это балансирование бюджета не за счет номинального сокращения расходов, а за счет сокращения реальных расходов, как это произошло после кризиса 1998 года, когда по номиналу бюджет тратил все больше, а в долларовом выражении или в долях ВВП все меньше.

Можно много критиковать «Вашингтонский консенсус» (либерализация, стабилизация, приватизация, реформирование социальной сферы) и повестку стабилизационных реформ, но нельзя не признать, что, в конце концов, все выводы «Вашингтонского консенсуса» оказались справедливыми — поскольку рост начался ровно тогда, когда был предсказан по этой гипотезе. И все попытки заявить о проведении либерализации без последующего роста объяснить очень просто, поскольку модель предполагает либерализацию и стабилизацию. Рост начинается в течение года после стабилизации. Так было во всех странах, так произошло и в России, просто бюджетная стабилизация произошла здесь значительно позже, чем денежная, и позже, чем прогнозировалось.

Что касается вопроса о революциях, то мы очень долго обсуждали с Егором Гайдаром возможность анализа трансформации России как революции. Сначала он с этим не соглашался, но потом, примерно к 1994 году, согласился.

Говоря о революциях, я имею в виду очень простое понимание революции — как системной трансформации в условиях коллапса государства. Случается коллапс государства без трансформации, что неоднократно происходило в Латинской Америке на протяжении XX века. Бывает системная трансформация при наличии государства, как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы (классический пример — Польша). Но, когда происходит системная трансформация, то есть трансформация собственности, политического режима, а государства при этом нет — это и есть революция. Наличие или отсутствие государства определяется не насилием, не числом повешенных или расстрелянных. Наличие или отсутствие государства определяется способностью собирать налоги на том уровне, на котором власть намеревается их собирать, способностью сбалансировать бюджет. Я уже не говорю о ситуации конца 1991 года в России, когда не было границ, когда было 16 центральных банков, и все мы хорошо знаем, как это тогда выглядело. Конечно, парадоксальность роли Егора Гайдара состояла в том, что, будучи человеком нерадикальным, он сыграл в революции радикальную роль¹².

Что касается долгосрочных реформ, то это и проблема выдвижения на первый план человеческого капитала, и вопрос о приоритете политических и правовых институтов над экономическими. Бессмысленно обсуждать ставку налога, если в любой момент может прийти милиция и остановить ваш бизнес. Ставка налога не имеет отношения к ситуациям, когда политические институты не соответствуют тонкости налоговой системы. И, конечно, это проблема нейтрализации рентной экономики — пожалуй, одной из самых серьезных угроз, с которыми Россия сталкивается в настоящее время.

Еще раз хочу подчеркнуть особую роль вопроса о развитии человеческого капитала, который мы обсуждаем в значительной мере с подачи Егора Гайдара. Здесь есть несколько развилок, несколько точек, на которых важно не допускать ошибок. Но одна, которая более или менее понятна, состоит в том, что проблема человеческого капитала связана не с деньгами, не с тем, что при советской власти давали много денег, а после — мало. Проблема заключается в необходимости проведения принципиальных институциональных реформ в секторах, связанных с развитием человеческого капитала, и эти реформы не сводятся исключительно к финансированию. Другой очень важный момент, на который следует обратить внимание, — то, что эти институты должны соответствовать не только демократическим и либеральным принципам, но и существующей в стране демографической ситуации.

Мы часто полностью игнорируем то обстоятельство, что современные система здравоохранения, пенсионная модель и система образования были созданы в принципиально иных условиях — в условиях быстрого роста численности населения при доминировании аграрного населения, которое не пользовалось социальными благами, как и сейчас в Китае (то есть ни пенсионное обеспечение, ни бесплатное здравоохранение на большинство населения не распространялись). И в ситуации, когда тех, кто платит за услуги, было гораздо больше, чем тех, кто готов эти услуги получать.

¹² См.: Экономика переходного периода / Под ред. Е.Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1998. Введение.

Классический пример: когда Отто фон Бисмарк вводил свою пенсионную систему (она была первой), то средняя продолжительность жизни в Германии составляла 45 лет, а пенсионный возраст 70 лет. По этой логике, сохраняя бюджетную модель пенсионного обеспечения, мы должны ввести пенсионный возраст примерно с 95 лет. Но мы сейчас сохраняем модель, разработанную для той демографической ситуации, когда пенсионный возраст был существенно выше средней продолжительности жизни, а не ниже ее, как в настоящее время.

Аналогичная ситуация со здравоохранением. Когда строилась современная модель, то здравоохранение предназначалось тем, кто заболел. Нынешняя система — это здравоохранение для всех. Человек, рождаясь, попадает в руки врача и часто завершает свой путь также на руках у врача. Это совсем другая модель, другие финансы, другая экономика, все другое. И латать эту модель бессмысленно. А поскольку развитие этих секторов связано и с человеческим капиталом, и с концентрацией инвестиционных ресурсов, то Егор Гайдар часто говорил, что страна, которая найдет правильную модель для институтов здравоохранения, пенсионной системы и системы образования, модель, адекватную вызову постиндустриального времени, будет иметь огромное преимущество перед другими государствами в плане дальнейшего развития.

В заключение приведу последнюю, в моей логике, фразу Егора Тимуровича Гайдара. Он говорил, что история длинная, и ей все равно, сколько времени каждая страна будет усваивать уроки, но до тех пор, пока текущий урок не будет усвоен, в следующий класс история эту страну не переведет.